

"Тесный круг". Год выпуска: 1996.

Предисловие.

Мир песен Бориса Драгилева, мир его стихов просторен, многолюден и всегда в движении, в перекрестье дорог и путей, как впрочем и сама его жизнь, что неудивительно, поскольку жизнь и творчество для него практически одно и то же. В своих стихах и песнях Борис поднимается до вершин чистых и светлых, а если берется говорить о соре жизни, то делает это с подкупающей простотой, без пошлости, такой модной сегодня. Он - поэт с огромным чувством ответственности за произнесенное слово. В поэзии он продолжает мужскую тему - отстаивает мужество, умение говорить правду, смотреть опасности в глаза, быть верным дружбе, брать ответственность на себя - за тех, кто ошибся, кто слабее, кому нужна помощь. Это - вообще традиция подлинного искусства. У Бориса Драгилева собственный голос, собственная мелодия. В своем творчестве он разный: веселый и грустный, раздумчивый и ироничный, он из тех, кому "любовь прозрение дает". Он - из детства, и тональность, выбранная им когда-то, не меняется в зависимости от веяний времени.

Человек - вот главная тема творчества Бориса, человек во всех своих проявлениях.

Наверное поэтому так широка его аудитория: ученые и старатели, врачи и шоферы, воины и бродяги с поломанными судьбами. Адресованные этой аудитории строки несут в себе тот уникальный опыт истинно поэтической души, который называется талантом. И где бы ни проходили концерты и выступления Бориса, будь то центральные столичные залы или строгие исправительные лагеря, они всегда пронизаны силой и теплом его личности, силой дара дарить себя. Он обречен творить, несмотря на то, что "поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души". И дай Бог.

*Вадим Туманов
Леонид Мончинский*

Сегодня обо всём как будто спето,
Сегодня пой, сегодня снят запрет.
Но я смеюсь над снятием запретов,
Я снова там, куда дороги нет!

Смешна сегодня суть момента,
Желаешь - лай на Президента.
Но опасайся, в лифт входя,
Не пожелал ли кто тебя.

Не нужно хмурить брови, морщить лбы.
Единства спектров нет в природе света.
Подумаешь, был красным, стал трёхцветным.
Он может быть вполне и голубым.

Отец - урод, и быть урону
Всей родове сто лет подряд.
В России испокон всё - с трона:
И ложь, и взятки, и разврат.

Увидеть в человеке толк -
Не значит с ним напиться.
Дай человеку денег в долг -
И всё определится.

С чужой женой деля кровать - грешу,
Но червь сомненья гложет мою душу:
Ведь если ближнему я откажу,
Другую заповедь нарушу.

Когда судьбы лишь несколько картинок
Перелистала жизнь,
Я рвался к пьедесталам ввысь.
Но, истоптав подошвы у ботинок,
Ловлю в себе одну и ту же мысль -
Мне жаль, что я - не инок.

Всё, не осталось больше мыслей
Осмыслить этот мир, ребята.
Скажите, где взять коромысло,
Чтоб улететь на нём куда-то.

Витают грусть, как снег в ночной тиши,
И ватный сон окутывает паром,
Я их гоню, гоню, как пыль с гитары,
Как пыль гоню тоску я из души.
И настезь дверь, и окна - пусть сквозняк!
Я не люблю себя в тоске и хмари,
И ненавижу пыль я на гитаре,
И вот уже раскинул крылья "Як".
У вас, я знаю, месяц как дожди,
И солнцу в облаках не до свободы,
Но лайнер мой взлетает, подожди,
Увидишь, я везу с собой погоду.
Вам жизнь сложна, а мне вдвойне, втройне,
Ждёт, поджидает день со стёртым глянцем,
Со мною смерть решила прогуляться,
Хоть, у меня желанья и нет!
И настезь дверь, и к чёрту пустоту,
Я к вам спешу, и нынче я не в хмари,
Пылинки не найдёте на гитаре,
Убрал шасси, и рвётся в небо "Ту".
У вас, я знаю, месяц как дожди,
И солнцу в облаках не до свободы,
Но лайнер мой взлетает, подожди,
Увидишь, я везу с собой погоду.

Сквозь дым и города, туманы и морозы
Шёл весел и удал по рельсам паровозик.
Он путь свой выбирал, хотя и шёл по рельсам,
И что-то повидал, и кое-что успел сам.
Не каждый знает суть - куда доехать должен,
Пока хотя б чуть-чуть дорогой не корёжен.
Возможно, нравы вы, и лучше жить обозом,
Но должен кто-то быть всегда за паровоза.
Убий и укради, а им, а одержимым,
Господние пути, увы, исповедимы.
И был в горах обвал, и встречное движенье,
И был лесоповал, и было возвращенье.
А как узнаешь суть - куда доехать должен,
Пока хотя б чуть-чуть дорогой не корёжен?
Не спорю, правы вы, и лучше жить обозом,
Но должен кто-то быть всегда за паровоза.
И вот он, сквозь года, тот паровозик самый,
Идёт по городам, ведомый небесами,
И звёздами маним к своим каким-то странам,
И семят за ним платформы и составы.
Он понял смысл и суть - что в этой жизни должен,
И не жалел ничуть о том, что покорёжен.
Не знаю, правы ль вы, и лучше ль жить обозом,
Но должен кто-то быть всегда за паровоза.

Доказано в спорах
Ночных разговоров,
Испытано плотью, когда она жжет:
Имеет особый,
Лишь свой запах город,
Который нас помнит, который нас ждёт.
Смываются скоро
Обиды и ссоры,
Прощаются слабость, наветы и фальшь,
Но как позабыть
Свой единственный город,
Одетый в дома, обутый в асфальт.
Где день горит огнём,
И ночки в дружбе с днём:
Медведица Большая разляжется у крыш,
Повиснет рядом месяц,
К фонтану ноги свесив,
И улочки с дворами нарушат смехом тишь.
А в городе этом
Зимою и летом
Ещё слышен цокот копыт лошадей,
И свято, как прежде,

Понятие чести,
И двери открыты всегда для людей.
Там в парках и скверах
Ребята за веру
Свою подворотную много берут,
Там столько прожито,
Свои надежи там,
- А что, старичок, здесь не продадут!
Здесь день горит огнём,
И ночки в дружбе с днём:
Медведица Большая разляжется у крыш,
Повиснет рядом месяц,
К фонтану ноги свесив,
И улочки с дворами нарушат смехом тишь.
Живёт этот город
В зелёных узорах,
В желтеющих листьях, под снежною мглой.
Он в солнечных бликах
Тысячеликий,
Он грязный и чистый, он нежный и злой.
Он жизнь рисует,
Смеясь и тоскуя,
Друзей от врагов отличая нутром.
В нём дует, поверьте,
Высоцкого ветер,
А воздух Шукшинским пропитан добром.
И день горит огнём,
И ночки в дружбе с днём:
Медведица Большая разляжется у крыш,
Повиснет рядом месяц,
К фонтану ноги свесив,
И улочки с дворами нарушат смехом тишь.

В РЕЙСЕ

На дорожку “вдрогнули” да тронули,
Эх, рули.
Сами себе в рейсе и без трона мы -
Короли.
Водочкой да чаем с папиросами
Запаслись,
Встанет жизнь вопросами да спросами -
В рейс просись.
Ветер мчится, гонится за нами,
Песня его - холод да тревога.
Ох, люблю я ездить с шоферами,
С шоферами - дальняя дорога.
В рейсе помолчать найдётся времечко:
Тракт да тракт.
Никуда не денешься, под темечко:

Ну, так как?
Кто ты и зачем? А ночка косится,
Слышит, зная.
Засвербит внутри и не захочется
Ночке врать.
Ветер мчится, гонится за нами,
Песня его - холод да тревога.
Ох, люблю я ездить с шоферами,
С шоферами - дальняя дорога.
И под утро, ох, с лучами солнышка,
Глядь, узор,
Ляжет жизнь твоя, как есть, на стёклышко,
А шофёр
Улыбнётся: что, мол, брат, видения?
Так-то здесь.
Где там папиросочка последняя:
Кончен рейс.
Солнце с неба катится шарами,
Грех сказать, что слишком его много.
Ох, люблю я ездить с шоферами,
С шоферами - дальняя дорога.
Солнце с неба катится шарами,
Солнца не бывает слишком много.
Ох, люблю я ездить с шоферами,
С шоферами - дальняя дорога

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

К развязке двигался разбор,
На волчье племя пал позор -
Сегодня ночью возле переправы
Резвились волки, коз загнав,
И вдруг один побрёл назад,
Впервые отказавшись от расправы.
И, вот, с утра сидит в кругу,
Растерян, но спина в дугу,
Всё гуще запах воздуха кровавый.
Волк не отводит в страхе глаз,
Он сам бы рад понять отказ,
Отказ от соучастия в расправе.
Быть может, волчий смолк инстинкт,
Такого не случилось с ним,
Но и в другой раз коз он жрать не станет.
Готов платить за это долг,
Но ложь, что больше он не волк,
Он волк, и он докажет это стае!
Сейчас докажет, выйдя днём
К лосям, охотнику с ружьём,
Кому угодно, равному по силе.
Вот он уже со снега встал,

Но нет - вожак подал сигнал,
И стаей всей отступничка казнили.

Сорван напрочь лист календаря,
И подснежник тянет шею к свету,
И несут во весь опор карету
Кони с королевского двора.
Дунул ветер, и не жаль листка,
Страж склонился у ворот в поклоне,
По траве зеленой мчатся кони,
Будто запрягли их на века.
Опадает лист календаря,
В вазе сор отцветшего букета,
Но ещё в разгаре бабье лето,
И глаза коней ещё горят.
Новая страничка - на листву,
Обветшала царская карета.
Время, отведённое билетом,
Истекает ровно к Рождеству.
Встали кони, сдвинуть нелегко,
И листок последний лёг на снег...
Новый календарь прибит к стене -
Весь из неоторванных листков.

ОТКУДА ЗНАТЬ

Откуда знать, откуда было знать,
И мне, и Вам тот день казался прочим,
Что подан знак, что подан уже знак
И суждено нам встретиться, а, впрочем,
В тот день Вы встали раньше, чем всегда,
Ленилось солнце на подушке Вашей,
И необычно поздняя звезда
Светилась в небе, не поблекнув даже.
И не сказав, друг другу не сказав
Ещё ни слова, знал я без ошибки:
Какая терпкая у Вас слеза,
Какая юная у Вас улыбка.
Я знал, как Вы ложитесь на песок,
И как смешно лимоном рот Вам вяжет.
Откуда было мне известно всё:
Душа моя жила с душою Вашей.
И никогда, теперь уж никогда
Не разлучиться нам, не обессудьте.
И никуда, теперь уж никуда,
Навеки мы связали наши судьбы.
Я буду знать, что с Вами каждый миг,
И даже то, что завтра Вам приснится,

Моё дыханье и за сотню миль
У Вас оттаает иней на ресницах.
Откуда знать, откуда было знать,
И мне, и Вам тот день казался прочим,
Что подан знак, что подан уже знак
И суждено нам встретиться, а, впрочем,
В тот день Вы встали раньше, чем всегда,
Ленилось солнце на подушке Вашей,
И необычно поздняя звезда
Светилась в небе, не поблекнув даже.

Не подобрать мне верных рифм и фраз,
Ну, как вам объяснить, нормальным людям,
Зачем таких, как я, покой не любит,
И для чего он - этот глупый фарс?
Когда ни волн, ни ряби на реке,
А я, вот, идиотский мой характер,
Иду ва-банк на проигрышной карте,
Потом тону - соломинка в руке.
И ладно, если б это - только раз,
Но выплыв, не увижу я причины,
Чтоб через месяц вновь себя не кинуть
В другой какой сомнительный вираж.
Но то - не фарс. Я мог без красных слов
Жить в праздности, всё выверив и взвесив,
Поверьте, только не было б стихов,
И, уж, конечно, не было бы песен.

В.Высоцкому

В компаниях шумных под струны гитары
Про тесный наш круг я немного хрипел,
То - юному мне от Него был подарок,
А я свой подарок отдать не успел.
А после, когда юзом бросило к краю,
Про" МАЗ" занесённый упрямо я пел.
Теперь у меня песня есть шоферская,
Вот только Ему спеть её не сумел.
Я, может, чего-то в себе не добрал бы,
Когда б не слышал: что же вы, корабли?
И стало б добра чуть-чуть меньше на брата,
Когда бы на гонку рубли завели.
Мне шепчет вода: удач тебе, парень,
И путь мне указан, где будет родник.
Спасибо Ему, я за всё благодарен.
Я вечный и вечный, и вечный должник.

В ССОРЕ

Не надо фраз, не надо брызг -
Собака лает.
Я разругался с другом вдрызг,
Вот так бывает.
Мы с ним одну делили жизнь,
Гоня сомненья.
А, вот, недавно разошлись
На жизнь во мненьях.

Ну, а раз так, яснее дня -
Упряжка встанет,
Когда он влево от меня
Её потянет.

Теперь я вплавь, а он летит,
Что ж, дело вкуса.
Хотя, конечно же, пути
Пересекутся.
И там мы лучше разберём -
Чего кто стоит,
Когда друг к другу подойдём
Не в дружбе, в ссоре.

А если - нет, яснее дня -
Упряжка встанет,
Когда он влево от меня
Её потянет.

Летели в небо тысячи пилотов,
Пропахших потом, кровью и войной,
Рождённый долгожданною весной,
Ребёнком мир тянулся из пелёнок.
Рождавшийся в невиданных мученьях,
С которыми сравнить ничто нельзя,
И в день рожденья, в день его рожденья
Вздохнула отболевшая земля.
А всё, что было до,
И будет что потом,
С высот времён потомки разужают.
Мы верили в одно,
Что самым светлым днём
Навеки будет день начала мая.
Тогда ещё стволы были горячи,
Ещё стрижи не пели в вышине,
И жизнь шагала в жизнь почти незряче,
Чуть-чуть не доверяя тишине.
Потом, уж, смех и слезы, и объятья,

И долго сны с дорогами во тьме,
И девочки в своих военных платьях,
И стрелка "До Берлина 100 км".
А так ли было до,
И так ли всё потом,
С высот времён потомки разужают.
Мы верили в одно,
Что самым светлым днём,
Навеки будет день начала мая.
Когда цвели подснежники с жарками,
Развеивая мрака пелену,
Отодвигая в прошлое войну,
Гудели рощи майскими жуками.
Спешили эшелоны на восток,
Обратный путь, как водится, короче,
И долгой памятью воронки у обочин,
И вечной памятью взлетевший лепесток.
Как жили мы тогда,
Как зажили потом,
Оценки пусть потомки выставляют,
Но в росписях Рейхстаг
Мы оставляли днём,
Великим, мирным днём начала мая.

ХАНЫГА

Ох, кто куда торопится,
Кто выжить, кто угробиться,
Исхожено прохожими всё вдоль и поперёк.
Дела у всех главнейшие,
Важнейшие, первейшие,
Лишь он сидит, любуется на солнечный денёк.
На жизни обустройство он
Плюет, в глазах спокойствие,
Льёт пиво внутрь пенное, истома - пруд пруди.
Щетину его с крыши же
Ласкает солнце рыжее,
И волосы не стрижены, и орден на груди.
А все вокруг вспотевшие,
Все спешные, потешные,
Метла, известно, здешняя всегда снова метёт.
Всем вставлены пропеллеры,
Часы у всех проверены,
Лишь он, не зная времени, живёт да и живёт.
Вон граждане из Митино
Скандалят как на митинге,
Майор-службист увидел их, прижал к груди паёк.
А вон в тени акации
Толкают чьи-то акции,
А он облокотился поудобней на ларёк.

Ох, кто куда торопится,
Кто выжить, кто угробиться,
Нет никакого продыха, в себе все, как в плену.
Лишь он весь, вот, весь на виду,
То - в смех, то - в грусть, то - как в бреду
Своё припомнив что-то, вдруг затянет про войну.
Убогое создание,
Он обойдён вниманием,
Художники рисуют с других людей портрет.
И он сидит спокойненько
У пивларька в Сокольниках,
Кто обзовёт ханыгою, он усмехнётся вслед.

Увидев след звезды над головою,
Я в первый раз не выпрямился в рост,
Не потянулся за звездой рукою,
Я знал уже, что это - только хвост.
Я знал уже: звезда сгорит быстрее,
Чем я успею что-то загадать,
Ведь, никогда рукою не достать
Того, что выше, ярче и добрее.
Горит звезда - такая малость,
А как внутри все бережит.
Пришла весна, да мне не в радость,
А сколько их осталось впереди.
Ну, до чего темно на горизонте,
Не видно даже дыма от жилья,
Лишь от дождя раскрыл прохожий зонтик,
И вон другой укрылся от дождя.
Ну, до чего темно на небосклоне,
Мелькнул бы где манящий звёздный хвост,
И я тянусь разжечь небесный воск,
И подставляю под него ладони.
Я видел небо в тысячи огней,
Его сегодня, просто, тьма неволит,
И я тянусь, тянусь, тянусь до боли,
Чтоб стало выше, ярче и добрей!
Горит звезда - такая малость,
Но без неё не виден путь,
И пусть весна пришла не в радость,
Но, ведь, пришла и будет пусть.

ФИМКА

Знакомьтесь - дружок мой, Фимка,
Да нет, мой первейший друг,
С наборною ручкой финка
В заднем кармане брюк.
Ростом пока не вышел,
Но духа в нём - на двоих:
Один на один он вышел
С верзилой по кличке Псих.

Верзиле уже - шестнадцать,
В пальцы продет кастет,
Сахар ему - подрасться,
Фимка, куда ты, шкет?
Двор не видал такого:
Псих удирал, как мог!
Жид - нехорошее слово:
Выучил двор назубок.

Знакомьтесь - дружок мой, Фимка,
Да нет, мой первейший друг,
С наборною ручкой финка
В заднем кармане брюк.
Ростом пока не вышел,
Но духа в нём - на двоих.
Вон - он, стоит на крыше,
Небо в глазах голубых.

ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ

Маркетинг, лизинг, долла'ры, закуп!
Леса - на Север, бензин - на Запад.
Открылась клетка, держись, буржуи,
Крутись, рулетка: страна гужует.
А тётя Маня согнула спину:
Сыночек Ваня в Афгане сгинул.
На тёте Мане платок из ситца,
Всю жизнь сестрицей она в больнице.
Ох, нынче лучше пробьют куранты!
Как жить - научат нас эмигранты:
Двенадцать "Чаек", банкет в "Арбате" -
Страна встречает героев-братьев!
А дядя Вова, герой Берлина,
Талон на водку в спецмагазине
Ко Дню Победы, ох, отоварил:
Ждёт в коммуналке сосед-товарищ.
И от артиста до уркагана:
Куда бы сдриснуть - совок поганый,
Зажить по новой - "Линкольн", виски,
Без чернобровых и без пятнистых.

А баба Капа - на семь червонцев
Живёт и рада, что видит солнце.
Внучат накормит, вздохнёт,- Да чё там,
Мы не в обиде на горбачёвых.
Ах, тётки Мани, ах, дяди Вовы,
В долгу пред вами страна бесова,
За бабу Капу, за все лишенья
Снимаю шляпу, прошу прощенья.

А. Галичу

Солнце всходит на востоке рано
И спешит к Елабуге, Сучану
Обогреть промёрзшее лучами,
Осторожно прикасаясь к ранам.
Только солнцу не вернуть долг нам,
Даже солнце не владеет даром
Проникать в те проклятые дали,
Так о чём ты, Александр Галич?
С острова Жестева
Вылетели шестеро,
Шестеро утят.
В путь рискнувши длинный,
Вытянули спины,
Может, долетят.
С севера, с Жестева
Вылетели шестеро,
Дай им Бог суметь,
Пятеро!
Четверо!
Ну, должен же хоть кто-то долететь.
А светило движется к столице,
Нынче солнце в меньшем дефиците,
Сторицей одаривает лица
И в Кремлях, и в стареньких больницах.
Так зачем же, Александр Галич,
На кассете у соседки Гали
Не даёшь забыть еврейских гетто?
Кадеш слышен, слышен кадеш где-то!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвётся и плачет сердце моё.
Скрип и шип, и многих слов не слышно,
Не дойти, не доползти до смысла,
Может быть, опять ошибка вышла?
Говорят, что очень может быть!
И сидит на лошади Будённый,

Мёрзнет Мандельштам зимой студёной,
До чего ж в конце концов дойдём мы,
Если это сможем позабыть?!
И ладно, не надо мальчишкам
В прошлое ни на шаг,
Но книжку-то, можно книжку,
Её почему никак?
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвётся и плачет сердце моё.

ДВОРНИК

Из окон раскрытых
Окрестных домов
Струился вниз запах
Мясных пирогов.
Печальный звук скрипки
И крика металл
Кружил и витал,
И к асфальту слетал.

А дворник всё в кучу
Большую сметал.

Летели вниз перья
От взбитых перин,
Отставшая краска
Балконных перил,
Любовные вздохи,
Разбитый бокал,
И луч, отражённый
От чьих-то зеркал.

А дворник усердно
Всё в кучу сметал.

Парили надежды
Как воздух легки,
Гораздо быстрее
Приземлялись плевки,
И кто-то, в куски
Разбиваясь, стонал...
Но дворник не слышал,
Не видел, не знал.
Он попросту всё
Аккуратно сметал.

Он думал, что пользу
Большую несёт.
Он думал, что мусор
В кучу метёт.

СОНЕЧКА

Сонечке сон снится и снится:
Синею птицей молодец мчится,
Встал у плетня, имя спросил,
Спрыгнул с коня, копьё опустил.

Лето ли, осень, дождь или снег -
Сонечка просит, просит во сне:
Ночка, продлись, ночка, продлись,
Не торопись, утро!

А утро ей, - Вставай скорей,
Корми гусей, пои коней,
Ох, заспалась, девка, ты всласть,
В горнице грязь, а тебе что-то снится!

День-день-деньской длится и длится,
Каплет водица, печка дымится,
Окна - до блеска, вышита гладь,
Только за лесом копыт не слышать.

Лето ли, осень, дождь ли, снежок,
Сонечка просит: месяц, дружок,
Поторопи ночку в пути,
Сон растопи яркий!

А месяц ей, - Вставай скорей,
Корми гусей, пои коней,
Ох, заспалась, девка, ты всласть,
В горнице грязь, а тебе что-то снится!

А как же без снов Сонечке жить,
Карты сложить, не ворожить,
Коль, не приснится сон без прикрас,
Кто же напитокя молодцу даст?

Ночь в декабре темней и длинней,
Только вестей нету семь дней,
Сонечка зря ждет у плетня,
Хоть бы, заря скорее.

А зорька ей, - Вставай скорей,
Встречай гостей, там у дверей
Кто-то без сил воды попросил,
И, кажется, даже копьё опустил.

СКАЗКА

У нас у каждого
Есть сказка важная,
Мы в ней рискуем,
Смеёмся, тоскуем,
Побеждаем вражину.
Смотрите, смотрите,
Смотрите, синица
Сидит на руке
И совсем не боится,
Зовёт полетать над облаком,
А в сказке взлететь недолго нам,
Лишь путь до Кощея заказан!
Не забирайте, не забирайте
Нас из наших сказок.
Волшебные слова,
Лихая голова.
Скажи, где пути
К счастью найти,
Тётушка Сова?
Смотрите, смотрите,
Смотрите, синица
Сидит на руке
И совсем не боится,
Твердит, что царица морская
На дно забрала попугая,
Летим - путь совою указан!
Не забирайте, не забирайте
Нас из добрых сказок.

Ох, любим, любим мы себе пощекотать нервишки,
Приятен нам, чего скрывать, чужой безумный риск.
Вот хорошо - один нырнул со стометровой вышки,
Вот хорошо - другой шагнул на узенький карниз!
И замерла на миг душа,
Перебежавши в пятки:
Два смельчака за три гроша
С судьбой играют в прятки.
Мы позже скажем свысока:
В том толку никакого.
Но есть ещё два чудака,
Но есть ещё два чудака!
Рискуют бестолково.
Во тьме ночи, у звёзд почти, фигурки на карнизе,
Рукой до неба чуть достать: Весы, Телец и Рак.
Они не могут потрафить лжи, трусости, капризам:
Последним шагом может стать любой неверный шаг!
И наверх в ужасе одном
Устремлены глаз тыщи:

Глядите, вон, да вон же, вон,
А вдруг их смерть отыщет?
Мы позже скажем свысока:
У нас другие цели.
Но есть ещё два чудака,
Но есть ещё два чудака!
Иначе жизнь ценят.
Ох, любим, любим мы себе пощекотать нервишки,
Приятен нам, чего скрывать, чужой безумный риск.
Преуспеваем мы умно в своих делах - делишках,
Привычно чувствуя ногой проверенный карниз.
Но вдруг и в нас замрёт душа,
Перебежавши в пятки,
Увидев, как за три гроша
С судьбой играют в прятки.
Мы можем после свысока
Наговорить такого!
Но есть ещё два чудака,
Но, к счастью, есть два чудака,
Рискуют бестолково.

ЖЕНЩИНА-ДРУГ

Не скажу про любовь, не знаток нежных слов,
Но что знаю - не сбить меня с круга,
С кем угодно пари заключить я готов:
Нету преданней женщины-друга.

Знаю, хлынет в ответ возражений поток,
И примеры изменам, но только
Лижет волку волчица простреленный бок
В клок,
Даже если уже нет в том толка.

И, конечно, напомнить мне не применут
Про коварную женскую сущность,
Только воет волчица всю ночь на луну
И щенят бережёт ещё пуще.

Не скажу про любовь, не знаток нежных слов,
Но что знаю - не сбить меня с круга,
С кем угодно пари заключить я готов:
Нету преданней женщины-друга.

Хотя, разумеется, мой визави,
Спорить не стану, коль, скажете Вы:
На свете всё дело в любви.

ДЕНЕК

Лёг сумрак и денёк истёк,
Ещё один из Времени денёк.
Кому-то он принёс букеты роз,
Кому - звезду, кому - лишь хвост.
Но день был днём, и жили в нём
Снег с январём, ты с воробьем.
Ах, не заметил, не узнал,
А день был жёлт, и день был ал!
И день был днём, и жили в нём
Снег с январём, ты с воробьем.
Ах, за делами прозевал,
А вместе с днём ушла зима.
Лёг сумрак и денёк истёк,
Ещё один из Времени денёк.
И всё, пусть он был плох или хорош -
Последний грош отдай, ан, не вернёшь.
Но вслед за днём приходит день,
И будет в нём цвести сирень,
Так поспеши на свет, на тень,
Не проворонь и этот день!
Ведь, хоть, за днём и будет день,
Но ты спеши, пока - сирень,
Не прозевай ни свет, ни тень,
Остановись, узнай, задень.
Лёг сумрак, и денёк истёк,
Ещё один из Времени денёк.
Кому-то он принёс букеты роз,
Кому - звезду, кому - лишь хвост.

Где-то справа в груди,
Где-то слева в груди
Полыхает огонь в сто пожаров.
Я раздул его сам
И, хвала небесам:
Он не гаснет под пеною ржавой.
Мои мысли - дрова,
Мои чувства - дрова,
Их огонь тот дотла пожирает.
Я без кожи стою,
Но пою, но пою,
Мне огня столп - водица живая.
Пусть ожоги сильней,
Пусть огонь веселей,
Кверху пламя - его не затушишь!
Пусть осталось два дня,
Лишь бы знать - у огня
Вы согрели озябшие души.

Где-то справа в груди,
Где-то слева в груди
Польхает огонь в сто пожаров.
Я раздул его сам,
И хвала небесам:
Он не гаснет под пеною ржавой

В КОНЦЕ БЕДЫ

Срок пришел конца беды,
 восвояси
Убралась, сказали: ты
 не опасен.
Дверь скрипела: выходи,
 мне твой кашель
Надоел, живи с людьми,
 ты не страшен.
Ладно, мне рассказ давать
 про заботу,
Я, ведь, вижу: выпускать
 неохота.
Вон замок-молчун, со мной
 вечно в ссоре.
Я по новой бы не смог
 в этот дворик.
Это двести лет назад
 я, наверно,
Жил легко и наугад,
 откровенно.
И навета понимал
 баснословность,
Только, вот, не доказал
 невиновность.
А потом смысл многих дней
 был неясен,
Говорили: для людей
 он опасен!
И тогда оборвалось
 где-то что-то,
Даже праведная злость
 вышла рвотой.
А осталось — во внутренях
 стон хрипящий,
Да кресты в календарях
 дней пропащих.
Их бы в стопочку сложить —
 колокольня!
После тьмы на солнце жить
 больно.
А ухмылочка у рта —
 так, ведь, наспех

Предо мною ворота
настежь.
Чувствую, не в добрый час
и согласен
С тем, что именно сейчас
стал опасен!

СНИМОК

Сохранила мать на память снимок:
Я - пацан в сатиновых штанах.
А на обороте надпись: Фима -
Проступает стёртый карандаш.
Что-то дальше приписала мама,
Не прочесть, быть может, возраст мой.
Я стою, пацан, герой романа,
Своего романчика герой.
Сохранила мать на память снимок:
Лето, речка, стрижечка под нуль.
Это дальше где-то будут зимы,
А пока парит всю июль!
Первые мелодии романа
Пишутся шуточно и легко,
И лет семь ещё до Магадана,
И Норильск пока что далеко.
И где-то дальше, дальше поцелуй,
Что даже и не снится пацану.
Сохранила мать на память снимок,
Жаль, не разобрать карандаша,
Всё боялась мама - имя Фима
Сможет где-то в жизни помешать.
Только беды не проскочишь мимо,
Главное, деньков не прозевать.
Я ношу прекрасно имя Фима,
Что мамуля догадалась дать.
Сохранила мать на память снимок:
На меня глядит смешной пацан.
Вроде, незнакомый, только с ним я
Написал нетоненький роман.
И, надеюсь, будет часть вторая,
Есть ещё неясности с концом...
Я себя и нынче ощущаю
Этим босоногим пацаном.
И, значит - дальше, дальше поцелуй,
Который в детстве снился пацану.

МАРИНКА

Я написал три сотни песен,
Но каждый раз перед людьми
Бывает стыдно, спросят если:
А есть ли песня о любви?
И сразу в пенни заминка,
Ох, скудность лирики моей.
Маринка, милая Маринка,
Спаси меня в глазах людей.

Я зря пытаюсь песню вспомнить,
Не то, не то всё - се ля ви.
Глядит напротив дама томно,
-Ну как же так, нет о любви,
Да вы, наверно, просто льдинка,
Вот в чём разгадка - нет огня.
Ну, расскажи же им, Маринка,
Как обожглась ты об меня!

Ну, расскажи же им, Маринка,
Как я бываю в неге тих,
Какою нежной паутинкой
С тобой сплели воздушный стих.
Маринка, милая Маринка!
Простите за заминку вы,
Есть песня, просто в глаз соринка.
Ну, вот вам песня о любви.

Я УХОЖУ

Я принимаю всё как есть,
Не нужно лишних объяснений,
Тебя я не виню в измене,
Я принимаю всё как есть.

Себя напрасно не казни,
Меня нисколько ты не ранишь,
К тому же, знал я всё заранее,
Себя напрасно не казни.

Случилось то, что быть должно,
Возле меня ты обогрелась,
А мне того, лишь, и хотелось,
Случилось то, что быть должно.

Нам грех с тобой корить судьбу,
Пусть нынче что-то поменялось,
Но были дни, как ты смеялась!
Нам грех с тобой корить судьбу.

Будь счастлива, я ухожу,
И ты, поверь, в том нету фальши,
Я - путник, мне дорога дальше,
Будь счастлива, я ухожу.

Будь счастлива, я ухожу,
За мною дверь сквозняк закроет.
Ах, как же, как же... ветер воет,
Будь счастлива, я ухожу.

СТАРШИНА

Красно-желтые пятна
Восходящего чуда
Расплескались в моих
Воспалённых мозгах,
- Будет жарко, я чувю, -
Говорит кто-то внятно,
- Мне с собою двоих,
Капитан, дай солдат.
Я же знаю: войны нет давно,
Говорящий - плод жара моего.
Но...
- Он пойдет, - и из строя я, вот,
Выхожу на два шага вперед.
Красно-желтые пятна
В голове, как в загоне,
Бьются, словно в плену,
Отдаваясь в груди.
- Нам задача понятна, -
Поплевав на ладони,
Старшина козырнул,
- Разрешите идти.
Я же знаю: войны нет давно,
Старшина - лишь плод жара моего.
Но...
Всё сдаю своё, кроме наград,
И на пояс - две связки гранат.
Разноцветные блики,
Тёмно-бурые пятна,
Растерзав тишину,
Слились в стонущий зной.
Старшина, голос тихий,
- Пovoюем, ребята,
И до встречи в раю,
Если рай тот не злой.
Он шагнул первым к танкам,
Небо ниже пригнулось,
Мы за ним, дёрнув связки
Из-за ремня! Захлебнулась атака,

Старшиной захлебнулась,
Криком вечным,
- Ребятки! Дальше вы без меня.
Жар прервался внезапно,
Нету пятен и боли,
Мозг ровнёхонько дышит,
Но кляню тишину!
Мне теперь непонятно,
Как я вышел из боя?
Получается - вышел,
Бросив там старшину.
А, вообще-то, войны нет давно,
Значит, бой был - плод жара моего?
Но...
Снова зной и в мозгах пелена,
Снова ждёт меня мой старшина!

Пот струйками течет с лица,
Не врет певец, что сердце жжёт.
Глядите, кто-то влёт - птенца,
Смотрите, кто-то песню - влёт.
А вы не замечали здесь
Такого раньше никогда,
А он об этом пел всегда,
Ах, если б в его душу влезть!
Но вот зажётся в зале свет,
Я вас не тороплю, нет-нет,
Я просто хочу спросить:
Как собираетесь жить?
Беглец себя не бережёт,
Унял предательскую дрожь,
Он знает - вскинуто ружьё,
Он чует - наготове нож.
Но видно вам уже ясней -
Из плена вырвалась душа,
Трепещет, загнанно дыша,
Вы тянете ладони к ней!
Но вот зажётся в зале свет,
Я вас не тороплю, нет-нет,
Я просто хочу спросить:
Как дальше будете жить?

ПИОНЫ

Ни клумб, ни цветочных базаров вокруг,
Средь серых заснеженных зданий
Почувствовал ясно я нежное, вдруг,
Июньских пионов дыханье.

Откуда пьянящий взялся аромат
До кома мне в горле знакомый?
Из стужи надымской я, как наркоман,
Тяну сладкий запах до комы.

И вижу сквозь дымку мороза: цветок
Раскрылся поутру - мой донор.
Теперь мне покойней - я не одинок,
Я чувствую ниточку дома.

Теперь дотянусь до счастливого дня,
Мне знак был о времени оном!
Сегодня за тысячи дней от меня
В саду распустились пионы.

ДЕНЬ ТЕЛЬЦА

Какое утро, хоть на небо дуй!
Такой денёк нечасто выпадает,
Лучами солнце мне лицо ласкает,
И месяц шлёт прощальный поцелуй.
Ох, этот день прожить бы вкривь и вкось,
Мы о таком давно с тобой мечтали,
Да только я сегодня улетаю
Туда, где солнце - крайне редкий гость.
Прости, постой, я напою птенца,
Да вон того, что по скамейке скачет.
Чирикнул он: сегодня день Тельца.
А это мой день - значит, быть удаче.
Кого-то солнце будет нынче греть,
Кому-то ляжет на плечи загаром,
А мне, пора мне зачехлять гитару:
Уже сегодня в Магадане петь.
Я сам себе определил долги,
Вот, и теперь лечу отдать по долгу,
Да и потом я не могу подолгу
В одних местах бывать: мне дни долги.

Прости, постой, я напою птенца,
Да вон того, что по скамейке скачет.
Чирикнул он: сегодня день Тельца.
А это мой день - значит, быть удаче.
Ты шепчешь мне - ах, жаль, ну как же жаль,
Что улетаю. Вот, ведь, незадача.

Но в том и есть великая удача,
Удача наша - искренна печаль!
На щеки нам тепло с небес бежит,
Пьянеем мы от жёлтого дурмана,
И классик прав: не выдумать романа
Умнее и безумнее, чем жизнь.
Прости, постой, я напою птенца,
Да вон того, что по скамейке скачет.
Чирикнул он: сегодня день Тельца.
А это мой день - значит, быть удаче!

СОН

В. Туманову

Мне снился сон -
Травили пса,
Дурные чьи-то голоса
Терзали сновидение,
Грех смертный числился за псом:
Он преступил людской закон,
Поставив жизнь свою на кон
За неповиновение.
Пес глух к команде был - ложись!
И вдруг не встал к ноге,
Послал к чертям шакалью жизнь
В дырявой конуре,
Указ хозяйский, суп и кнут -
Отляял горлопан,
И пес пошел вразнос, враскрут
На пан или пропал.
Дымилась шкура пса, потом
Грудь дрожь опоясала,
Кровь пастью, мат и гогот ртом,
С пристрастьем бьют за непоклон,
Но до чего ж красив был он
В сиянии оскала!
Ему бы, псу, не надо в рык,
Дешевле обошлось бы,
А так - веревка на кадык,
Прикладом в пах, прикладом в дых,
Аж, пот у родненьких-родных
По слипшимся волосьям,
Когда б по одному бы их,
Клыков для всех нашлось бы.
Но и теперь пёс гнул своё,
Не охнув и не ахнув.
И кто-то крикнул, - Жарь в него!
И чьё-то вскинулось ружьё,

Проворное на крик ружьё,
И жареным запахло.
Пёс кувыркнулся и припал
К земле, но не на спину,
Он лапы кверху не поднял,
Судьбину клял, что цепь порвал
Всего наполовину.
И полпрыжка не дотянул
Отступник и лишенец
До тех, кто выдумал вину,
И выдумал ошейник.
Пёс издыхал и таял сон,
И в бликах пробуждения
Под темя бил вопрос ребром,
Под темя бил вопрос ребром:
Кем я был - теми или псом,
И был ли сон лишь только сном?
А где-то колокольный звон
Вымаливал прощение.

В ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Вы так кричите некрасиво,
Позвольте, я вас рассужу,
Всё дело в том - я жил в России,
И я - то лучше расскажу
Что было там в восьмидесятых
И в девяностые года:
Стукач тогда попал к распятым,
Ну, а товарищ - в господа.
Медали продавали на базаре,
В пивнушках пропивали ордена,
И девочки дрались в валютном баре
За очередь к японцам в номера.
Про Русь давно пропели всё другие,
Какая в ней особенная статья,
Я лишь добавлю: есть ещё в России
Немалый плюс - здесь проще умирать.
Тогда на митингах орали
И кто горластей - шёл во власть,
И до него, что не украли,
Безбожно принимался красть.
Колокола стеснялись звона,
Чёрт веселился за двоих,
И отживали своё зоны,
Терялся смысл даже в них.
Себя сажали люди добровольно:
Решётки - в окна, из железа дверь,
А зэк на волю выходил довольный
На солнышко взглянуть, хотя бы, день.

Про Русь давно пропели всё другие,
Какая в ней особенная статья,
Я лишь добавлю: есть ещё в России
Немалый плюс - здесь проще умирать.
Я перебил вас, уж, простите,
Наверно, к спору не гожусь,
Но я в России жил, поймите,
И этим очень я горжусь.
Что было там в восьмидесятых
И в девяностые года?
Рукоплескали люди Плятту,
И Евстигнеев жил тогда.
Про Русь давно пропели всё другие,
Страна калек, дворцов и лагерей.
Я лишь добавлю: есть ещё в России
Немалый плюс - здесь выживать нужней.

СИМВОЛ

Не скажу, что точно
 дело было так:
Взвился как-то ночью
 над домишком флаг,
Может, чтоб подразнить
 воробьев покой,
Ну, а может, праздник
 был тогда какой.
А жил домишко до того
Три века с лишним счастливо.
Утром солнце вышло,
 глядь - такой вот факт,
Будто, клумбу - вышка,
 дом украсил флаг,
Красный или белый,
 небесам ли в тон,
Не меняет дело:
 суть уже не в том.

Символ появился,
 значит, шей мундир,
Вскоре объявился
 в доме командир.
Может, я фискалю,
 флаг-то - что ругать?
Только отыскали
 в доме и врага.
А жил домишко до того
Три века с лишним счастливо.
Сторожа да вышки,

Господи, прости,
За версту домишко
лучше обойти:
Трупный запах, крысы,
паутина, мрак,
Да на жжёной крыше
веселится флаг.

Значит, братцы, точно,
дело было так:
Водрузился ночью
над домишком флаг,
Может, чтоб подразнить
воробьев покой,
Ну, а может, праздник
был тогда какой.
А жил домишко до того
Три века с лишним счастливо.

А.Розенбауму

Пуд соли вместе мы не ели,
И за столами не сидели,
Друг другу пару песен спели,
И он меня с собой позвал.
Ну что ж, наверно, я везучий,
Коль выпал мне на долю случай,
Ведь, не придумать, чтобы лучший
Дружок мне спину прикрывал.
А в дверь тогда уже стучало
То сучье время, что случалось
Не раз в России одичалой,
И повторялось вновь и вновь.
И гнулся люд душой и телом,
А кто был занят нашим делом,
Уже стояли под прицелом,
Где беспредел - не прекословь.
Ох, ты, Русь, Русь-колотушка,
Больно бьёшь нас по макушке,
Я пригнусь, но своё допою.
А кто умней - уже не ждали,
Пока горячим не ужалит,
Бросали всё и уезжали
От берегов родной земли.
И нам кричали: вы то, что же?
А мы желали: дай вам, Боже.
Но капитанам-то негоже
Бросать на гибель корабли.

Пуд соли вместе мы не ели,
И за столами не сидели,
Друг другу пару песен спели,
И он меня с собой позвал.
Ну что ж, наверно, я везучий,
Коль выпал мне на долю случай,
Ведь, не придумать, чтобы лучший
Дружок мне спину прикрывал.

Ох, ты, Русь, Русь-колотушка,
Больно бьёшь нас по макушке.
Я пригнусь, но своё допою!

АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Нас всегда холода настигают внезапно,
Не оставив следа от тепла прошлых дней,
И под толщею льда в ожидании завтра
Остывает вода до апрельских лучей.
Сойдёт жизнь с рельсов
И бред полусонный:
Апрельское солнце,
Апрельское солнце.
Только, кто переждёт - холода отступают,
И вода из-под льда: всё не вечно и тут.
И друзья, и друзья нас тогда обнимают,
Я готов зимовать ради этих минут.
Ну, вот, жизнь на рельсах,
И сонмом не в сон мне -
Апрельское солнце,
Апрельское солнце.
Ну, вот, жизнь на рельсах,
Ну, вот, в унисон мне -
Апрельское солнце,
Апрельское солнце.

Я ПРИЕДУ

Я подсказок не жду, хотя многого не понимаю.
Правда, знаю и то, чего лучше бы вовсе не знал,
И спешу я, спешу, тороплю дни и в марте, и в мае,
Потому что везде, я, почти, что везде опоздал.

Но дороги, дороги,
То назад, а то прямо,
Заплутал - и конец, и пропал.
То ухабы, то ямы,
Но и я, ведь, упрямый,
Дотянусь, я еще не устал.

Я приеду к Вам в среду,
Это будет под вечер,
Мы беседу вдвоем поведём.
Вечер – миг, но миг – вечность,
Будет свет тихо течь к нам,
А стемнеет, мы свечи зажжём.

Я подсказок не жду, но случаются вдруг откровенья,
И тогда на ладонь опускается медленно мир,
И уходит тоска, и последние тают сомненья,
И ты чувствуешь: где, где он ждёт тебя - главный твой миг!

Но дороги, дороги,
То назад, а то прямо,
Заплутал - и конец, и пропал.
То ухабы, то ямы,
Но и я, ведь, упрямый,
Дотянусь, я еще не устал.
Я приеду к Вам в среду,
Заметёт если даже,
Я поспею до ночи ещё!
Отряхну пыль да сажу
И коснусь руки Вашей,
И огонь задрожит над свечой.

ЖАРА

Качалась в воздухе жара,
И был июль ещё в начале,
И переулками, кружа,
С тобой из города мы мчались.
И ты, к окошку наклоняясь,
Была у воздуха в объятьях,
И тёплый ветер, веселясь,
Нахально лез тебе под платье.
И заливался смехом альт,
И пели скрипки в такт июлю,
И тихо плавился асфальт,
И пух летел - хозяин улиц.
И ты, сведя запястья рук
На шее мне, губу кусала.
И выпускал на миг я руль,
И по дороге нас бросало.
А по обочинам - цветы,
Еще жарки - июня дети.
И на шоссе - лишь я и ты,
И тёплый, но нахальный ветер.
И заливался смехом альт,
И пели скрипки в такт июлю,

И тихо плавился асфальт
От солнца жарких поцелуев.
И не искали мы резон
В поездке этой сумасшедшей,
Но проскочить за горизонт
Нам оставалось метра меньше.
Рукой подать - и синева,
И круче вверх дорога, верьте!
Но в город двери открывал
Уже наш друг - проказник ветер.
И заливался смехом альт,
И пели скрипки в такт июлю,
И тихо плавился асфальт,
И пух летел - хозяин улиц.

МАМИНА МОЛИТВА

Помню в детстве мама мне смешливо
Говорила, хоть, валилась с ног:
Родила легко тебя, сынок,
Быть тебе, сыночек мой, счастливым,
Жаль, могу тебе немного дать я,
На себя за это сильно злюсь,
Пусть не верю в Бога, а молюсь,
Чтоб была, сынок, тебе удача.
Выпал из гнезда птенец, как выпал,
Дождь хлестал, а после солнце жгло.
И на все - алло, алло, алло -
Вызывные: выбыл, выбыл, выбыл...
Я с судьбою долго не рядился,
У судьбы не выторгуешь масть,
Только, помнил я - мне не пропасть:
Я - счастливый, я легко родился.
И, действительно, всё как-то вышло,
Рытвины, ухабы - не пропал,
Да чего там, кроху неба скрал,
А не просто - выжил, выжил, выжил.
Заневестились по маю липы,
Отогрелись, нет на зиму зла.
Как же много, мама, ты дала
Мне своей негромкою молитвой!
Мама, ты везде меня спасла
Той своей негромкою молитвой.

КАК МНЕ ПИШЕТСЯ

Увёл с собой день и свет, и заботы,
Февральская тень, туманом болотным
Окутав меня, пробуждает виденья -
Витают но комнате лица и тени:
Страшные, злые, носы крючковаты,
Зубы гнилые, спины горбаты.
Лихие красавцы, морские царицы,
Налитые кровью и добрые лица.
Умные, гнусные, губы отвислые,
Грубые, грустные, дикие, лысые,
Жизнь отжившие и не пришедшие
Бродят но полу, комоду, кушетке.
Театр без ролей и без артистов,
Без божьей воли творятся убийства
Заново тех, кто убит был когда-то,
Сыплются деньги, воеет собака.
Палач и доносчик, трусливо оскалясь,
Слились в единую морду шакалью,
Не успеваю за тем, что творится,
Жизнью своей живут тени и лица.
Худые, ехидные, алчные, красные,
Блеклые, видные, даже прекрасные
Встали в дверях неизведанных странствий,
На долю секунды зависнув в пространстве.
Но - миг, и ожили все образы сразу,
Вены и жилы как по приказу
Вздулись, и кровь побежала по телу,
Листы заполняются чёрным по белу.
Нежным шептанием, воплем надсадным,
Вечным скитанием, смертной досадой,
Тягой к известности, страстью к богатству
Полнится лестница рабского братства.
Крутятся звери, рыбы и птицы,
Черви и змеи, тени и лица,
Солнцем палёные, морем солёные,
Сытые, выбритые и холёные.
Ночь на исходе, рассвет тёмно-синий,
И не было, вроде, прожитых жизней,
Последние блики в тумане витают,
Тени светлеют, видения тают.
Подлец напоследок смеётся убого,
Мать просит защиты для сына у Бога,
В стене растворяясь, уходит любовник,
Но наяву сотни строчек неровных
О пьяных харчевнях, разрушенных замках,
О знати и черни, самцах и о самках,
Проживших ночь и ушедших бесследно...
В зеркале только лицо моё бледное.

Со мною круто обошлась судьба,
Не дав мне разгуляться в полной мере,
Я что-то не учёл, не соизмерил:
Гитара - вдрызг и голосу - труба.
Возможно, много брал я на себя,
Считая своё дело стопроцентным,
А мог бы стать, наверное, доцентом,
Да стать доцентом вышла не судьба.
Овцы дрожали,
Крысы бежали,
Кошки желали,
А псы уважали.
Змеи шипели:
Свернёшь себе шею.
А я ни на грош
Ни о чём не жалею.
Меня судьба не хуже всех везла,
Но я по-своему перестроил струны,
И отвернулась от меня Фортуна,
Я на Фортуну не имею зла.
Я рвался сам туда, где голытьба
Брала своё и пела до предела,
Я взвесил всё, когда пошёл на дело,
Да сделать дело, видно, не судьба.
Овцы ожили,
Крысы кружили,
Кошки забыли,
А псы затужили.
Выйти б скорее,
Гитару я склею,
Ведь, я и сейчас
Ни о чём не жалею.

Когда закончится рассказ
Печально, весело, серьёзно,
И возвратятся птицы в гнёзда,
То, что останется для вас?
И что останется для нас?
Ещё мгновение назад
В водовороте чудодейства
Сплетались ложь и фарисейство,
И брызги дерзких эскапад
Летели под, взметались над!
И вы, продрогшие насквозь,
В том ледяном водовороте
Теперь по берегу идёте,
Отжав жестокость, фальшь и злость,
И оттого уж нам зачлось.

Зачлось! Ведь, точно в этот час
На нас пролились светом звёзды,
И возвратились птицы в гнёзда,
Когда закончился рассказ,
Когда закончился рассказ.

На драге пол надраили -
Приехал Боря Драгилев,
Народ компот в столовке не допил.
- Хватай фуфайку, Сидорыч,
Успеем норму мы дорыть,
Певец из златоглавой прикатил!

А за гольцом - опять голец,
И вечный снег, и вечный лёд.
Поёт про пляж в Крыму певец,
Про жизнь московскую поёт.

Поверите ль, на Севере
Вдруг как-то потеплело всем,
Народ там зол, да не его вина.
Уж нет певца, а Сидорыч
Под нос, вдруг, промурлычит стих
И даже рассмеётся без вина.

А за гольцом - опять голец,
И вечный снег, и вечный лёд.
Поёт про пляж в Крыму певец,
Теперь уже с кассет поёт.

Афиши, зал под крышею,
Билетика нет лишнего,
У входа и "Москвич", и "Мерседес".
Остался где-то Сидорыч
Стране дары природы рыть,
Отсюда до тех мест, как до небес.

А за окном - Москва-река,
И солнце щедро в стекла бьёт.
Поёт певец про старика,
Что у гольцов всю жизнь живёт.

УХОДЯ ИЗ ТЕАТРА ЭСТРАДЫ

Я хочу из театра Эстрады
Уходить усталым по лесенке,
Отыграв и отпев свои песенки,
И стихи отчитав, и баллады.

Пусть не модно сегодня, но я хочу
Выкрав боль, раздарить людям радость.
Кто-то спросит: устал? Я скажу: чуть-чуть.
Уходя из театра Эстрады.
Бог делиться велел, я ему внемлю
И на сцене стою - мне так проще.
Не хочу я сегодня на площадь,
Я давно площадей не люблю.
Я не верю давно горлопанам,
Смех, когда бы один на один.
Где - то, слышишь, витает сопрано,
И текут ручейки среди льдин.
Я хочу из театра Эстрады
Уходить усталым но лесенке,
Отыграв и отпев свои песенки,
И стихи отчитав, и баллады.
Постоять на мартовской улице,
Чтоб расправил мне легкие воздух,
И мерцали чтоб звёзды-натурщицы.
Я хочу постоять неба возле.

Нам всем когда-нибудь и где-нибудь зачтётся
За наше доброе и наше недобро.
Известно сызмальства: что сеешь, то взрастётся.
И это правило, наверное, верно.
Отдал последнее — не жди, что в лотерею
Вернётся откупом, чем раньше дорожил.
Ты поклонился самой высшей вере,
Тебе зачтётся, не напрасно жил.
Ну, а те, кто - в костре, кто - в петле, в кого гвоздь
Забивали, им что — лучший гроб?
Про кого я пою - ясно вам и без слов,
Значит, ох как зачлось, как зачлось.
Мы зачастую истинам не верим,
Бывает чаша выгод тяжела,
И тянет книзу, и пустеет терем,
И от костра — лишь сажа да зола.
Уже подсчитаны и прибыль, и потери,
И не замечено, как тень на свет легла,
Но был один, он не покинул терем,
Раздул костер - и жизнь не умерла!
И остались в живых смех и слёзы, и злость,
Только спасший не снёс головы.
Про кого я пою - ясно поняли вы.
Значит, ох как зачлось, как зачлось.
Нам всем когда-нибудь и где-нибудь зачтётся
За наше доброе и наше недобро.
Известно сызмальства: что сеешь, то взрастётся.
И это правило, наверное, верно.